

Николай Александрович Бестужев

Шлиссельбургская станция

Николай Александрович Бестужев

Шлиссельбургская станция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4658823

Аннотация

«Почтовая тройка стояла у ворот; чемодан был вынесен; я стал прощаться и думал, поцеловавшись со всеми, сесть на тележку и ехать, но должно было заплатить дань старине. Меня посадили, мать и сестры сели, мальчик, ехавший со мною, был также посажен, даже горничная, вбежавшая сказать, что извозчик торопит, подпала той же участи: „садись“, – сказала ей повелительно матушка; девушка осмотрелась кругом, взглянула на матушку, как будто желая выразить, что ей совестно сидеть с господами, но при новом приказании села на пол, удовлетворяя в одно и то же время и господскому приказу и рабской разборчивости. Несколько минут продолжалось благочестивое молчание, потом все встали и, оборотясь в передний угол, помолились висевшему там распятию...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

19

Николай Александрович Бестужев

Шлиссельбургская станция

Истинное происшествие

(Посвящено А. Г. Муравьевой)

*Одна голова не бедна,
А и бедна – так одна.
(Старинная пословица)*

---

¹ Рассказ впервые опубликован в кн.: Рассказы и повести старого моряка Н. Бестужева. М., 1860, с. 447–481, с многочисленными цензурными пропусками и под заглавием «Отчего я не женат». В 1858 году старшая сестра Бестужевых Елена Александровна хотела напечатать его в журнале «Семейный круг», однако публикация была разрешена только при условии, что имя автора не будет упомянуто. На это Е. А. Бестужева не согласилась (см.: Воспоминания Бестужевых, с. 807). По рукописи, с восстановлением пропущенных цензурой мест напечатан М. К. Азадовским в указанном издании (с. 539–572). В настоящем издании перепечатывается этот текст. Историк М. И. Семевский, собиравший материалы о декабристах и писавший биографию Н. А. Бестужева, интересовался подробностями его жизни и обратился к М. А. Бестужеву с серией вопросов. На вопрос «Когда написан рассказ „Отчего я не женат?“ и кто его героиня?» М. А. Бестужев отвечал следующее: «Я выше описывал Вам казематскую эпоху, когда более всего процветала мода на литературные произведения, чтение коих, кроме литературных собраний, происходило в присутствии наших дам. Они часто, видя, как

Несколько лет тому назад мне надобно было съездить из

брат Николай любит детей, и видя, как умеет привязать к себе каждого ребенка и по целым часам резвится и забавляет их, то подымая содом на весь дом, то рисуя им картинки или делая замысловатые игрушки, – они часто спрашивали его, почему он не женат? „Погодите, – часто отвечал он, – я вам это опишу“. И когда они приступили с решительностью и взяли с него слово, он написал эту повесть. Но так как ему не хотелось сказать истины вполне, не хотелось обнажать своей заветной любви пред чужими взорами, он выставил подставное лицо героини повести, в описании которой, впрочем, невольно отразился колорит характера любимой им женщины. Вставленный в эту повесть рассказ о домовых – истинное происшествие» (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников, т. 2, с. 208–209). Под «казематской эпохой» М. Бестужев имеет в виду пребывание в Петровском заводе, куда декабристы прибыли из Читинского острога 23 сентября 1830 года. Рассказ посвящен Александре Григорьевне Муравьевой, которая скончалась в 1832 году. Это посвящение и сведения, которые сообщает М. Бестужев, позволяют датировать этот рассказ первыми годами пребывания в Петровском заводе, то есть концом 1830–1832 годами. На вопрос Семевского о героине повести М. Бестужев не дает прямого ответа, то есть не называет ее имени, но из некоторых замечаний его можно понять, что речь идет о Л. И. Степовой – жене генерал-директора Штурманского училища в Кронштадте, которую связывало с Н. Бестужевым глубокое чувство. Тому же Семевскому М. Бестужев писал: «Мне кажется, что <...> еще несвоевременно вводить в биографию брата самый интересный эпизод из его жизни, именно его любовь к единственно любимой им женщине, исключая разве порыв страсти к молодой прекрасной девушке (Августа Шт, т. ...), на которой он даже хотел жениться вскоре после выпуска из корпуса и которая неожиданно была похищена смертью» (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников, т. 2, с. 385). Сохранился черновик письма Н. Бестужева к Степовой, написанного из Голландии: «Все, что есть у меня сейчас дорогого, – это ваш медальон, который я ношу, лента, которую вы мне дали для часов, и я даже нахожу удовольствие, вдыхая еще оставшийся в моем (неразб.) запах ваших духов, и мне кажется, что вы рядом со мной, потому, что это ваш любимый запах... Теперь я надеюсь уже скоро увидеть вас. Может быть еще три-четыре месяца, и я буду иметь счастье прижать вас к своей груди. Прощайте. Знайте, что я никогда не изменю вам. Прощайте» (Бестужев Н. Статьи и письма.

Петербурга, по делам матери моей, в Новую Ладугу. Когда я совсем собрался, она позвала меня в свою комнату, повторила все наставления, слышанные мною уже несколько раз, и потом прибавила: «по окончании дел в Ладуге, как я тебе сказала, ты должен заехать к нашим соседям Н. и С... Я хочу того: во-первых, потому, что дома наши связаны старинной дружбою, во-вторых, что у обоих милые дочери и достойные невесты. Может быть, судьба укажет тебе на которую-нибудь из них, и ты составишь себе такую партию, какую бы я хотела для тебя. Ты знаешь всегдашнее мое желание – видеть тебя женатым: я возрастила и воспитала тебя в надежде нянчить моих внучат. Ты старший в семействе, тебе уже тридцать два года, и до сих пор, по какому-то непонятному для меня упрямству, ты не слушаешь моих советов, не устроишь своей судьбы, не осчастливишь меня исполнением любимой моей мечты – видеть в тебе продолжение нашей фамилии. Берегись холостой старости; я не уважаю старых холостяков!» Мать моя плакала, говоря эти слова; я отвечал общими фразами, что час мой не настал, что я еще не встречал той, которую бы избрало мое сердце, обещал внимательно рассмотреть предлагаемых ею невест, и мы вышли в зал, куда собралось все наше семейство.

Почтовая тройка стояла у ворот; чемодан был вынесен; я стал прощаться и думал, поцеловавшись со всеми, сестра на тележку и ехать, но должно было заплатить дань стари-

не. Меня посадили, мать и сестры сели, мальчик, ехавший со мною, был также посажен, даже горничная, вбежавшая сказать, что извозчик торопит, подпала той же участи: «сидись», — сказала ей повелительно матушка; девушка осмотрелась кругом, взглянула на матушку, как будто желая выразить, что ей совестно сидеть с господами, но при новом приказании села на пол, удовлетворяя в одно и то же время и господскому приказу и рабской разборчивости. Несколько минут продолжалось благочестивое молчание, потом все встали и, оборотясь в передний угол, помолились висевшему там распятию. Матушка благословила меня, шепнув, чтоб я не забыл ее советов, простилась, дала поцеловать руку моему мальчику, и я, обняв сестер, спрыгнул с лестницы, вскочил на тележку и исчез, посылая поцелуи рукою в ответ белым платкам сестер, махавшим из окошек.

Итак, меня посылают выбирать невесту! Матушка серьезно хочет меня женить; но об этом надобно подумать да подумать поскорее; в самом деле, в мои лета не надо долго размышлять, а в дороге об чем же и думать?

Но если б спросили меня, что я думал дорогою? — я бы отвечал: ничего! На почтовой тележке не так-то ловко размышлять: того и смотри, чтоб не вылететь из повозки. Осенняя погода покрывала меня, дождь и ветер крепче закутывали в шинель, и я чаще повторял ямщику: «пошел».

За мной остались Пелла и Славянка; я уже подъезжал к Шлиссельбургу, но как человек, служивший на море и ред-

ко имевший случай ездить сухим путем, особенно в русском почтовом экипаже, очень чувствовал разницу между сухопутным и водяным сообщением, хотя в настоящем случае я имел бы право сказать, что еду по морю грязи, сопутствуемый прыжками, толчками и ухабами. Налево изредка только открывалась сердитая Нева, катившая быстро свои волны, или какая-нибудь дача, заставлявшая меня высовывать нос из шинели. Мне хотелось полюбоваться каким-нибудь видом, но дождь закрывал все отдаленные предметы, а ранняя осень обезобразила все картины, обнажив почти деревья; желтые листья, сорванные ветром, неслись с дождем, перегонял мою повозку. Наконец, избитый и мокрый, не отдохнув взором ни на одном предмете, я увидел Шлиссельбург! Мы въехали в город, и, странное дело! первый предмет, привлечший мое внимание, был аист, свивший гнездо свое на трубе почтового дома. Он стоял и важно поглядывал кругом, как будто обозревая небосклон и замечая, с которой стороны очистится небо, чтобы судить о будущей погоде, может быть, для задуманного им путешествия. Я в первый раз увидел эту птицу в наших северных странах и спросил у извозчика: водятся ли эти птицы здесь? «Нет, барин, прежде не видать было, — отвечал он, — а эта уже четвертый год, каждую весну здесь выводит детенышей и улетает осенью на теплые воды. Дивлюсь, что она еще здесь, ей давно пора лететь». — Она умнее меня и не хотела пуститься в дальний путь в такую скверную погоду, — сказал я, слезая у почтового дому с

повозки и стряхивая шинель, с которой текла вода ручьями!

Станционный смотритель равнодушно объявил, что лошади все в разгоне, и как я ни представлял обыкновенных крайностей путешествующих, он отвечал обыкновенными резонами почтовых смотрителей, обещая лошадей не ранее как через час. И действительно, несмотря на мое нетерпение, ровно час прошел, пока возвратились лошади. Я стоял у окна и смотрел, как их перепрягали в мою повозку. Дождь не переставал; крупные капли стучали в окна и лились ручьями по стеклам. Бедные животные, уже пробежавшие свой урок, должны были вновь заучивать его со мною; пар подымался столбом с их осунувшихся боков, которые раздувались, как мехи, от усталости; они стояли, опустя головы, и потряхивали ушами, когда дождевые капли туда попадали. Колокольчик на дуге издавал унылые звуки; не менее того он производил на меня приятное впечатление, предвещая, что я скоро сяду и покачусь после скучного ожидания. Но человек предполагает, а бог располагает: послышался другой колокольчик, и вскоре карета, запряженная в шесть лошадей, а за нею повозка прискакали к станции. Минута ранее – и я бы уехал; теперь это было невозможно, потому что проезжий был сенатор Баранов, ездивший в некоторые губернии помогать жителям, умиравшим с голоду от неурожая, – и следовательно мои и еще какие-то лошади были запряжены в карету его превосходительства, а я снова остался горевать в ожидании.

Сенатор вошел в комнату, вежливо поклонился, завел разговор о нашей морской службе; рассказывал о поручении, ему сделанном, и очень скромно похвалился, что из данных ему трех миллионов на вспоможение он не истратил ни копейки. Когда же перепрягли карету, он с большою деликатностью извинился, что отнял у меня лошадей, и уехал.

Исчезла и моя надежда на скорую отправку. Все лошади, сытые и голодные, повезли сенатора, а мне-то что делать? Прежде я ждал как проезжий, теперь остался как жилец. Пришлось знакомиться с своею квартирою и хозяевами. От нечего делать я начал осмотр: небольшая комната была разгорожена надвое; передняя служила и присутственным местом, и спальней смотрителю; в ней у одной стены стояла кровать, у другой под окном – стол; у разгородки изразцовая лежанка выдавалась, вроде русского очага, на половину для проезжих, где и мебель была незамысловатее: кроме софы, нескольких дубовых стульев с кожаными подушками и стола, стояла в одном углу кровать с ситцевыми занавесками, в другом – шкаф, из-за стекла которого видно было несколько фарфоровых чашек разной фигуры с ручками и без ручек, склянки с лекарствами, помадная банка с солью, штоф с какой-то жидкостью, где плавало несколько ягод рябины, опрокинутая рюмка без ножки и полдюжины медных ложек и ложечек в прорезях на полочках. По стенам развешано было несколько картинок, над столом зеркало и деревянные часы. Я со скуки пересмотрел все эти редкости, прочел все над-

писи на картинках, из которых одна только строчка стихов под портретом Кутузова осталась в моей памяти: *Кутузов прими не лестный света глаз!*²

Что это, не намек ли?..

Начинало смеркаться; я велел внести мою шкатулку и подать чаю; подойдя к окну, я рассматривал, сколько позволяла погода, представлявшуюся мне картину. Через дома на противоположной стороне улицы проглядывали по временам, сквозь дождь, стены и башни Шлиссельбургского замка, поставленного на острове посреди Невы, при самом ее истоке из Ладожского озера... Полосы косого ливня обрисовывали еще мрачнее эту и без того угрюмую громаду серых плитных камней; влеве Нева терялась за домами; вправо озеро глухо ревело, переменяя беспрестанно цвет поверхности, смотря по силе порывов и густоте дождя, – и я в первый раз дал свободу своим мыслям, которые до сих пор сдерживались или толчками, или ожиданием. Какое-то грустное чувство развивалось во мне при виде этих башен. Я думал о сценах, которых стены были свидетелями, о завоевании Петра и смерти Ульриха³, – о вечном заключении несчастных жертв деспотизма. Мысли невольно останавливались на

---

² Этот портрет гравирован известным художником Карделли. Его же гравирования есть два эстампа: путешествие Екатерины по России и восшествие на престол Александра I.

³ *Ульрих* – Иван VI Антонович (1740–1764), русский император, свергнутый с престола в годовалом возрасте. Впоследствии был заключен в Шлиссельбургскую крепость и убит при попытке офицера В. Я. Мировича освободить его.

последних: может быть, думал я, много страдальцев гниет и теперь в этой могиле. Сколько человек, мне известных, исчезли из общества, и тайна их участи осталась непроницаемой. Но за какие преступления, за что, по какому суду осуждаются они на нравственную смерть? Все, что относится до общества и его постановлений, до частных людей и сношений их, ограждено законами; преступления против них публично наказаны; но здесь лица бессильны, преступления их тайны; наказания безотчетны, и почему?.. Потому что люди служат безответною игрушкой для насилия и самоуправства, а не судятся справедливостью и законами. — Когда же жизнь и существование гражданина сделаются драгоценны для целого общества? Когда же это общество, строящее здание храма законов, потребует отчета в законности и Бастии и Шлиссельбургов и других таких же мест, которых одно имя возмущает душу? Люди! Люди! Вы привыкли сами спутывать себя узами, вы привыкли носить цепи; властелины ваши знают это и накладывают на вас новые тяготы; вы думаете, что этому так быть надобно. Горе вам, если вы этому не верите. В таком настроении духа я сел за чайный столик.

Выдумка чая прекрасная вещь во всяком случае; в семействе чай сближает родных и дает отдых от домашних забот; в тех обществах, где этикет не изгнал еще из гостиных самоваров и не похитил у хозяйки права разливать чай, гости садятся теснее около чайного столика; нечто общее направляет умы к общей беседе; кажется, что кипящий напиток согре-

вает сердца, располагает к веселости и откровенности. Старики оставляют подозрительный вид и делаются доверчивее к молодым; молодые становятся внимательнее к старикам. В дороге чай греет, в скуке за ним проводишь время. Одним словом, самовар заменяет в России камины, около которых во Франции и Англии собираются кружки.

Чтобы составить кружок, я пригласил к чаю смотрителя и его жену. Хозяйка, которой наряд состоял в повязке на голове и камлотовой юбке, принимая мое приглашение, набросила на плечи черный шелковый платок и скинула головную повязку, чтобы показать, что она не из простых, а носит косу с воткнутым в нее роговым гребнем. Она пила чай вприкуску; после четырех чашек с крайнею учтивостию опустила назад в сахарницу обгрызок сахара, оставшийся от ее экономных зубов.

– Давно ли вы здесь на станции? – спросил я смотрителя.

Он хотел отвечать, но как в эту минуту он только что хлебнул горячего чаю, то ответ его выразился одним невнятным звуком и потом кашлем. Словоохотная хозяйка предупредила его: «О зимнем Миколу, батюшка, будет восемь лет, как мы попали на это место, и восемь лет мыкаем горе на этой станции; тракт малоезжий; купечество ездит на долгих или на наемных; а кроме купцов только офицеры да фельдгари».

– Куда же ездят эти фельдгари?

Смотритель хотел было отвечать, но жена перебила и не смотря, что он кивал головою, раза два крякнул, она продол-

жала:

– Куда? Прости господи! Не ближе и не далее здешнего места... Разве, разве, что в Архангельск; да туда пусть бы их ехали с богом, а то не пройдет месяца, чтобы не привезли в эту проклятую крепость на острове какого-нибудь бедненького арестанта.

– И вы выдаете этих арестантов?

– Куда тебе! Нет, родной, никогда не выдаем. Приедут всегда ночью и прямо на берег, не заезжая сюда. Я бегала не раз на реку, да только и видела, что повозку; жандармы и близко не подпускают; фельегарь крикнет с берегу – с крепости зарычат каким-то дивным голосом; приедет катер: сядут, поедут, и бедняжка как в воду канет. Только по утру, как снег на голову, наскочит подраться да побраниться, да уехать, не заплатив прогонов...

– Что же у вас говорят, как живут арестанты?

– Что говорят, родимый! И бог весть каких страстей не рассказывают – а все мы досконально не знаем. Съезжают оттуда солдаты, да редко; и на тех человечья виденья нет: худы, да тощи, да бедны, – и они, бедняжечки, там на затворе. Спросим, ничего не говорят; а станем пытаться, так я не раз видела, как иного дрожь возьмет, а все толку не добьешься. Видно, что страшно.

– Ваше высокоблагородие, – начал, закашляв, смотритель, – это... – но жена не дала ему кончить и прервала снова, по почти шепотом: – Говорят, что там тюрьмы как ко-

лодцы: ни свету божьего, ни земли, ни воздуху; душно как в могиле; каждый сам по себе, и ни встать, ни сесть, ни лечь. Есть подают в окошечко, и бедняжка не слышит никогда ни голгоса, не видит ни лица человеческого: только он да часовые кругом.

– Стало быть, их мучат, их убивают прежде времени?

– Нет, батюшка, мучить не мучат и убивать не убивают, а говорят: что уж коли надобно кого сжить со бела света, так закопают по уши в землю, да и оставит умирать *своею смертию*.

Сколь ни нелепы были рассказы хозяйки, но, откинув преувеличения, откинув то, что относилось к мучениям физическим, достаточно быть похороненным заживо в этом гробе, чтобы с нравственными страданиями намучиться, умирая *своею смертию*.

Я встал из-за чая в неприятном расположении духа, спросил о лошадях и на отрицательный ответ начал ходить по комнате; здесь мне впервые после выезда пришло в голову желание матушки, чтоб я женился. Странное сцепление идей! Но в этом случае мысль, перебегая, с предмета на предмет, невольно обращалась к тем, которых лишение было бы последствием исполнения печальных моих предчувствий. «Матушка хочет этого, – думал я, – это естественно; я сам чувствовал пустоту в сердце, мне чего-то недоставало, даже в кругу милого мне семейства, между достойных моих сестер и братьев. Я думал об этом, когда страсти мои вол-

новались сильнее, когда каждая девушка казалась мне идеалом совершенства, я думал и выбрал; но судьба похитила у меня избранную; смерть разлучила нас. С тех пор воображение сделалось прихотливее, вкус разборчивее, чувства не так пылки. Я создал новый идеал и равнодушно смотрел на женщин, сравнивая их с моею мечтой. За всем тем, безумный! я еще думал жениться! Теперь я вижу яснее, что не могу располагать собой, не могу связать судьбы своей с избранной мною подругой жизни!...»

«Я собственность благородного предприятия; я обручен особым союзом – и так могу ли я жениться? Стоя на зыблющемся волкане, захочу ли я привлечь к себе подругу, избираемую для счастья в жизни нашей, чтобы она, не зная бездны под ногами своими, вверилась мне и вверглась вместе со мною в пропасть, ежеминутно готовую раззинуться».

Так я рассуждал, а между тем дождь усиливался, ветер свистал в окошки, на дворе стало совсем темно, а лошадей все еще не было. Наконец, я решился остаться ночевать, несмотря на свою скуку, потому что ехать ночью, в такую погоду, еще скучнее. Зажгли свечи, я открыл шкатулку; со мною было английское Стерново⁴ «Чувствительное путеше-

---

⁴ *Стерн* Лоренс (1713–1768) – английский писатель сентиментального направления. Оказал огромное влияние на русскую литературу начала XIX века. В сочинениях и письмах декабристов часто встречаются образы и цитаты из произведений Стерна. Так, например, М. И. Муравьев-Апостол писал: «Из всех писателей, которых я читал в своей жизни, больше всего благодарности я питаю, бесспорно, к Стерну. Я себя чувствовал более склонным к добру каждый раз, что

ствие»; я развернул книгу и сел читать: как нарочно, открылось то место, где Стерн говорит о Бастилии:

«...я представил себе все жестокости заключения. Мое сердце было расположено к этому, и я дал полную волю воображению.

Я начал миллионами мне подобных, но находя, что огромность картины, сколь она ни была разительна, не позволяет приблизить ее к глазам и что множество групп только развлекали меня, я представил себе одного заключенного, запер наперед его в тюрьму, потом остановился посмотреть сквозь решетку двери, чтобы срисовать его изображение.

Я увидел, что тело его исхудало и высохло от долгого ожидания и заключения; я чувствовал, как сильна сердечная болезнь, рождаемая отлагаемой надеждой. Посмотрев пристальнее, я заметил, что он был бледен и истомлен лихорад-

---

оставлял его. Он меня сопровождал всюду... Он понял значение чувства, и это было в век, когда чувство поднимали на смех» (Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. Предисл. и примеч. С. Я. Штрайха. Пг., 1922, с. 15). Подобные высказывания можно найти и у других декабристов (см.: Азадовский М. К., Стерн в восприятии декабристов. – В кн.: Бунт декабристов. Л., 1925). Эпиграф из Стерна предпослан повести Н. Бестужева «Русский в Париже 1814 года». «Сентиментальное путешествие» Стерна Е. А. Бестужева передала брату Николаю перед отправкой его в Шлиссельбургскую крепость. М. Бестужев рассказывал Семевскому: «Стерново путешествие и Театр Расина сестра Елена умудрилась заложить между бельем в небольших чемоданчиках, дозволенных нам взять с собою при отправке нас в Шлиссельбургскую крепость и точно, первая для брата, а вторая для меня не только служили единственной отрадою в гробовой жизни, но, может быть, спасли нас от сумасшествия» (Писатели-декабристы в воспоминаниях современников, т. 2, с. 206).

кою. В тридцать лет восточный ветер ни разу не освежил его крови. Он не видал ни солнца, ни месяца во все это время – и ни однажды голос друга или родного не проникал сквозь эту решетку; его дети...

Но здесь мое сердце облилось кровью, – и я принужден был приступить к другой части моего изображения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.